

DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-85-96

EDN: YKMQBS

ТАЙВАНЬСКИЙ ВОПРОС КАК НЕОКОЛОНИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

© 2025 г. Н.В. Литвак, Н.Б. Помозова

ЛИТВАК Николай Витальевич, доктор социологических наук,
ORCID 0000-0003-1621-0005, koloc1918@mail.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76.

ПОМОЗОВА Наталья Борисовна, доктор социологических наук,
ORCID 0000-0002-9981-0593, npomozova@mail.ru
ЦКЕМИ НИУ ВШЭ, РФ, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, 17.

Статья поступила 16.01.2023. После доработки 01.11.2024. Принята к печати 02.12.2024.

Аннотация. Содержание внешнеполитических документов США дает основания для заключения о неокOLONIALISTском характере их политики в отношении Тайваня, в рамках которой он выполняет функции геополитического сателлита и важного источника стратегических товаров для неометрополии. Эта политика исторически отличалась рационалистичным и ситуативным характером, неизменно основывалась на определенном понимании национальных интересов Соединенных Штатов, но далеко не всегда учитывала ожидания тайваньского режима. Данное обстоятельство, а также положение, сложившееся на Украине, получающей помощь от США, могут стать серьезными отрезвляющими и сдерживающими факторами для той части общества и элиты Тайваня, которая разделяет идею независимости острова, что дает надежду на перспективу его мирного воссоединения с Китаем.

Ключевые слова: Тайвань, Китай, США, тайваньский вопрос, неокOLONIALISM.

THE TAIWAN QUESTION AS A NEOCOLONIAL PROBLEM

Nikolay V. LITVAK,
ORCID 0000-0003-1621-0005, koloc1918@mail.ru
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.

Natalia B. POMOZOVA,
ORCID 0000-0002-9981-0593, npomozova@mail.ru
Center for Comprehensive European and International Studies, National Research University "Higher School of Economics", 17, Malaya Ordynka Str., Moscow, 119017, Russian Federation.

Received 16.01.2023. Revised 01.11.2024. Accepted 02.12.2024.

Abstract. The aggravation of the situation around the unrecognized state in Taiwan is interpreted by Western experts and politicians mainly in a simplified way: the United States is defending the island democracy from mainland authoritarian China. Their forecast boils down to determining the beginning of a supposedly inevitable military clash with one or another set of participants. Despite the fact that Western experts often characterize Chinese policy (in particular, economic policy) as neocolonial, the content of a number of US foreign policy documents gives grounds to conclude that their policy towards Taiwan is neo-colonialist, within the framework of which it serves as a geopolitical satellite and an important source of strategic goods for the neo-metropolis. Washington is seeking to build a stable system of political and economic relations, using not only direct pressure, but also privileges provided to partners that ensure both the military-political dominance of the United States and the uninterrupted supply of strategically important goods. In this context Taiwan can be described as one of the strongholds of US neocolonial policy. This policy has historically been rationalistic and situational in nature, invariably based on a certain understanding of the national interests of the United States, but does not always take into account the expectations of the Taiwanese regime. The results of the 2022 municipal elections, and then the 2024 presidential elections, demonstrated a split in Taiwanese society, which may have resulted in some way from contemplation of the consequences of a potential military conflict with the mainland. This circumstance, as well as the situation in Ukraine, which receives assistance from the United States, can become serious sobering and restraining factors for that part of society and the elite of Taiwan that shares the idea of independence of the island, which gives hope for the prospect of its peaceful reunification with China.

Keywords: Taiwan, China, USA, Taiwan question, neocolonialism.

About authors:

Nikolay V. LITVAK, Dr. Sci. (Sociol.), Professor.
Natalia B. POMOZOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Leading Researcher.

ВВЕДЕНИЕ

Поездка спикера палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань 2–3 августа 2022 г. стала кульминацией нового обострения проблемы этой территории. Оно стало результатом развития внутривосточной ситуации на острове, а также существенного изменения американской политики после избрания президентом Д. Трампа в 2016 г. Под его руководством был взят курс на экономическое и политическое противостояние с КНР, в котором Тайвань использовался как один из факторов давления на Пекин, прежде всего с целью добиться уступок в торговой войне [1, pp. 100–107]. В рамках того же курса был принят Закон о взаимных визитах тайваньских и американских чиновников всех уровней 2018 г. [ист. 1], ускоривший и резко расширивший двустороннее военно-техническое сотрудничество, кульминацией которого и стала поездка третьего по рангу официального должностного лица США. Все это привело к росту военной активности ВВС и ВМС КНР в Тайваньском проливе. Накануне визита Н. Пелоси вооруженные силы КНР объявили о проведении учений с боевыми стрельбами в шести зонах акватории острова по его периметру; в примыкающую к акватории Тайваня зону Филиппинского моря к началу визита были стянуты силы 5-й авианосной ударной группы американского флота. В рамках азиатского турне, уже побывав в Сингапуре и Малайзии и перед посещением Республики Корея и Японии, спикер сделала 20-часовую остановку на Тайване. На встречах с руководителями острова она объявила целью поездки поддержку “динамично развивающейся тайваньской демократии” [ист. 2]. Визит ожидаемо оказался резонансным, и на несколько дней внимание американского общественного мнения переключилось на обсуждение возможности прямого военного столкновения Пекина и Вашингтона. Тем не менее, на наш взгляд, основным мотивом этой акции было все же косвенное предостережение Китая от использования сценария, подобного российской специальной операции на Украине. С одной стороны, об этом, в частности, прямо заявил координатор по делам регионов Индийского и Тихого океанов в Совете национальной безопасности К. Кэмпбелл: “Мы считаем крайне важным, чтобы другие страны публично и в частном порядке подчеркивали, что то, что произошло на Украине, никогда не должно произойти в Азии” (цит. по:

[ист. 3]). С другой стороны, выждав некоторое время и убедившись, что КНР заняла позицию благожелательного нейтралитета по отношению к Москве в контексте российско-украинского конфликта, США уже с апреля начали обсуждение планов этой поездки, наблюдая за динамикой китайской реакции и отложив визит до августа под предлогом болезни Пелоси.

Возникшая после американской дипломатической демонстрации ситуация вокруг Тайваня привела к значительному возрастанию военной активности КНР, США и Тайваня, а также ужесточению соответствующей политической риторики (см. [2, сс. 192–200]). Еще одним шагом в эскалации стал принятый американцами Закон о политике в отношении Тайваня (*Taiwan Policy Act of 2022*) [ист. 4], предусматривающий многомиллиардную военно-техническую помощь острову и другие направления сотрудничества.

Несмотря на возникновение подобных упомянутому визиту конъюнктурных поводов и наличие указанных выше тенденций, способствующих эскалации в Тайваньском проливе, ситуация в целом определяется иными факторами средне- и долгосрочного характера, которые рассматриваются ниже.

ГЛОБАЛЬНЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Высокая заинтересованность США в удержании Тайваня вне китайской юрисдикции имеет причины, которые не только не являются секретом, а напротив, всячески подчеркиваются, в том числе на самом высоком официальном уровне. В первую очередь речь идет о национальных интересах США, четкой артикуляцией которых американский истеблишмент озаботился после окончания холодной войны и последовавшего за этим радикального изменения ситуации в мире. Симптоматично, что такой авторитетный эксперт, как Дж. Най, считает, что политическая необходимость определения американских национальных интересов была порождена кризисом вокруг Косово [3, pp. 22–35], то есть в той или иной степени связана с масштабной, затрагивающей подавляющее большинство стран и народов мира проблемой самоопределения, сама возможность которого чревата в том числе сепаратизмом.

Как бы то ни было, специальная двухпартийная комиссия с участием сенаторов и ведущих

экспертов из Массачусетского технологического института, Гарвардского и Стенфордского университетов, *RAND*¹ и других вузов и исследовательских организаций в 1996 г. подготовила первый доклад, который, как и последовавшие за ним, использовался для разработки внешнеполитических планов США. В этом докладе Комиссия установила иерархию интересов государства и определила, что жизненно важные национальные интересы — это условия, которые строго необходимы для защиты и повышения благосостояния американцев в свободной и безопасной стране [4]. Было сформулировано пять таких условий и, соответственно, направлений деятельности: предотвращать, сдерживать и уменьшать угрозу ядерного, биологического и химического нападения на Соединенные Штаты; предотвращать появление враждебной державы (гегемона) в Европе или Азии; предотвращать появление враждебной державы на границах США или контролирующей моря; предотвращать катастрофический коллапс основных глобальных систем (торговли, финансовых рынков, поставок энергии и окружающей среды); обеспечивать выживание союзников США. На этой основе для следующего президента США было определено пять основных задач: справиться с ситуацией, складывающейся вследствие выхода Китая на мировую арену; предотвратить потерю контроля над ядерным оружием и материалами, пригодными для использования в ядерном оружии, и сдерживать распространение биологического и химического оружия; поддерживать прочные стратегические партнерские отношения с Японией и европейскими союзниками; избежать сползания России в гражданскую войну или возврата к авторитаризму; сохранить единоличное лидерство США, военный потенциал и международный авторитет [4].

В редакции 2000 г. эти пять жизненно важных национальных интересов США были определены следующим образом: предотвращение, сдерживание и снижение угрозы ядерного, биологического и химического нападения на Соединенные Штаты или их вооруженные силы за рубежом; обеспечение выживания союзников США и их активное сотрудничество с США в формировании международной системы, “в которой мы можем процветать”; предотвращение появления враждебных крупных держав или несостоявших-

ся государств на границах США; обеспечение жизнеспособности и стабильности основных глобальных систем (торговли, финансовых рынков, поставок энергии и окружающей среды); установление продуктивных отношений, соответствующих американским национальным интересам, со странами, которые могут стать стратегическими противниками, Китаем и Россией [5]. Также был усилен акцент на “практическое” понимание реализации этих жизненно важных интересов “путем продвижения исключительного лидерства США, военного и разведывательного потенциала, авторитета (включая репутацию приверженцев четких обязательств США и беспристрастности в отношениях с другими государствами) и укрепления важнейших международных институтов, в частности системы альянсов США по всему миру” [5].

Новейшая (2022 г.) версия Стратегии национальной безопасности США все так же объявляет основной задачей превосходство над стратегическими конкурентами, стимулирование коллективных действий по решению глобальных проблем и формирование правил поведения в области технологий, кибербезопасности, торговли и экономики. Согласно документу, такой подход охватывает все элементы национальной мощи — дипломатию, сотрудничество в целях развития, промышленную стратегию, управление экономикой, разведку и оборону — и строится на нескольких ключевых столпах [ист. 5]. Главным из них является активная и всеобъемлющая государственная политика, которая предусматривает необходимость формировать международный порядок в соответствии с национальными интересами и ценностями. Подчеркивается необходимость дополнить инновационную мощь частного сектора современной промышленной стратегией, которая делает стратегические государственные инвестиции в рабочую силу США, а также в стратегические секторы и цепочки поставок, особенно в критические и новые технологии, такие как микроэлектроника, передовые вычисления, биотехнологии, технологии экологически чистой энергии и передовые телекоммуникации [ист. 5].

Таким образом, во-первых, официально главной целью объявлено доминирование, причем прежде всего военное. Во-вторых, это военное доминирование не только связано с экономическим, обеспечивает, страхует его в случае коммерческого или технологического проигры-

¹ Организация признана Минюстом РФ нежелательной в России.

ша в конкуренции, но и составляет с ним симбиоз. Речь в том числе идет и о прямом вкладе военного сектора в благосостояние американцев. Но выгоды от такого комплексного доминирования не сводятся только к прямому коммерческому профиту. Они проистекают из возможности выстроить достаточно устойчивую систему политических и экономических отношений, опирающихся не только на прямое давление, но и на сеть опорных пунктов, представленную привилегированными партнерами — государствами и территориями, которые обеспечивают как военно-политическое доминирование Соединенных Штатов, так и бесперебойные поставки им стратегически важных сырьевых и промышленных товаров. Хотя в случае со странами Персидского залива имеются в виду прежде всего нефть, с Западной Европой — высокотехнологичные потребительские товары и оборудование, а с Тайванем — микросхемы², в целом американцы действуют одинаково — продают своим стратегическим союзникам оружие на десятки миллиардов долларов под предлогом противодействия военным угрозам.

Методологически стремление к военно-экономическому доминированию восходит к пессимистическому (как его определяет Ж.-Л. Самаан [6, pp. 103-122]) течению реалистического направления теории международных отношений. По поводу американско-китайского противостояния его сторонники полагают, что динамика международных отношений представляет собой игру с нулевой суммой. И поскольку любое изменение баланса сил порождает конфликты, усиление Китая неминуемо ведет к ослаблению США и, как следствие, к столкновению между двумя державами [6, pp. 115-120]. Дж. Миршаймер пытается доказать, что наиболее сильные государства стремятся и к региональному доминированию и это якобы неизбежно будет определять политику Китая в отношении не только США, но и стран Азии [7; 8, pp. 46-51]. Концептуально такой подход оформился в различных версиях стратегии контроля за “цепями островов” вдоль побережья материкового Китая, контролируемых США и их союзниками с целью сдерживания “гегемонистских устремлений” Пекина. На сегодняшний день таких “цепей” насчитывают уже три. Тайвань неизменно рас-

сматривается как ключевое звено первой, самой ближней к КНР “цепи”, состав которой определил еще Дж.Ф. Даллес в 1951 г. [9].

В то же время диапазон практической реализации этих подходов и концепций менялся — от использования ВМС США (в 1954 и 1958 гг.) в Тайваньском проливе для недопущения силового воссоединения острова с КНР (в соответствии с американско-китайским Договором о взаимной обороне от 2 декабря 1954 г.) и запрета каботажного судоходства между северным и южным Китаем через пролив (до 1968 г.) до поставок Тайваню самого современного оружия. Ожидаемым и вполне прагматичным актом в русле концепции “цепи островов” стало признание с 1954 г. Китайской Республики (КР) единственным законным представителем китайского народа. Однако в 1979 г. США поступили ровно наоборот, признав таким представителем Китайскую Народную Республику, — и вновь из самых прагматических соображений, не слишком считаясь с мнением властей острова. И при этом не преминули закрепить свой контроль над ним, предусмотрев возможность поставок ему оружия Законом об отношениях с Тайванем (*Taiwan Relations Act*) от 10 апреля 1979 г. [ист. 6]. Данной возможностью Соединенные Штаты все шире пользовались со второй половины 1990-х годов по мере усиления КНР.

Все это в совокупности позволяет поставить вопрос об определении нынешней американской политики как неокOLONиальной. Несмотря на то что вклад в деколонизацию вносил не только СССР, но и на определенном этапе Соединенные Штаты, данный процесс, не в последнюю очередь усилиями последних, до сих пор не завершен. Согласно Перечню самоуправляющихся³ территорий ООН, где по количеству и географии подконтрольных земель уверенно лидирует Великобритания, у США в Тихоокеанском регионе остаются шесть таких островных территорий (разумеется, с местным населением) [ист. 7]. Вместе с многочисленными другими владениями и арендованными районами на чужих территориях они составляют систему новых “опорных пунктов колониализма” — “рассеянных по всему миру военных баз, в частности, удаленных и контролирующих мировые транспортные пути, пункты логистики,

² Прекращение поставок чипов тайваньского производства может привести к сокращению ВВП США на 5–10%. См.: США и Тайвань: партнерство в цепочке поставок полупроводников. *The Diplomat*, 07.08.2023.

³ *Non-self-governing territories* — термин, которым ООН удалось заменить оборот “колонии и протектораты” (*colonies and protectorates*).

обеспечения, радиоперехвата и сопровождения и т. п.” — “главный геостратегический козырь”, который находится в руках прежде всего США [10, pp. 5-17].

КИТАЙСКИЕ “БЕЛЫЕ КНИГИ”

В сравнительном анализе ориентированного на международную аудиторию дискурса США и Китая [11, pp. 43-63] мы уже описывали принципиальные различия внешнеполитических концепций двух держав, которые можно свести к формуле “гегемония vs сотрудничество”. В отношении непосредственно “тайваньского вопроса” важным источником для исследования являются соответствующие “белые книги”, изданные в КНР. Согласно Белой книге “Мирное развитие Китая 2011”, “коренные интересы” страны включают: 1) государственный суверенитет; 2) обеспечение национальной безопасности; 3) обеспечение территориальной целостности; 4) национальное воссоединение; 5) поддержание установленного Конституцией политического строя и общей социальной стабильности; 6) основные гарантии обеспечения устойчивого экономического и социального развития [ист. 8]. Таким образом, “тайваньский вопрос” не только непосредственно затрагивает “коренные интересы” китайского государства, но и представляет собой один из главных вызовов для руководства страны. Си Цзиньпин неоднократно заявлял, что мирное воссоединение с Тайванем должно произойти не позже 2049 г., к 100-летию со дня основания Китайской Народной Республики. А по результатам XX съезда Компартии Китая в Уставе КПК было закреплено намерение «решительно пресекать и сдерживать сепаратистские силы, выступающие за так называемую “независимость Тайваня”» [ист. 9].

Из датировки “белых книг”, выпущенных в КНР Управлением по делам Тайваня и Информационным бюро Госсовета в 1993, 2000 и 2022 гг., следует, что они всякий раз представляли собой реакцию на очередное изменение международной ситуации вокруг острова и прежде всего американской позиции. Первая Белая книга “Тайваньский вопрос и воссоединение Китая” вышла на фоне изменений в политике США, осуществленных администрацией Б. Клинтона, пришедшей к власти в США в начале 1993 г. В ней содержится отсылка к Декларации о принципах международного права [ист. 10], касающихся отношений и сотрудничества между

государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в котором говорится о том, что ООН и ее члены воздерживаются от любых действий против территориальной целостности или политической независимости любого из ее членов или любого государства и не вмешиваются в дела, которые, по существу, относятся к внутренней юрисдикции любого государства. В описании китайского видения истории возникновения тайваньской проблемы США в Белой книге 1993 г. упоминаются 49 раз; хотя при этом и подчеркивается прямая связь Соединенных Штатов с историческими событиями отделения Тайваня от материковой части Китая, за которую они несут ответственность, прямые обвинения в адрес Вашингтона в намеренных действиях по препятствованию “мирному воссоединению” отсутствуют. В документе слова “мир” и “мирный” употребляются 33 раза, 16 из них — в словосочетании “мирное воссоединение”⁴ [ист. 11].

Вторая Белая книга “Принцип одного Китая и тайваньский вопрос”, вышедшая в свет в феврале 2000 г. накануне президентских выборов на острове, повторяла структуру предыдущего документа, но ее содержание было дополнено осуждением сепаратизма (“сепаратистские силы на Тайване стремятся нарушить принцип одного Китая”, «попытка тайваньских сепаратистов изменить статус Тайваня как части Китая путем референдума под предлогом того, что “суверенитет принадлежит народу”»). Однако эти силы в итоге и пришли к власти в результате победы кандидата от Демократической прогрессивной партии (ДПП) Чэнь Шуйбяня в том же году. Еще одним важным отличием от предыдущего документа на фоне деклараций о приверженности “мирному воссоединению Китая” стало упоминание возможности “принять все решительные меры, включая применение силы” в трех случаях: если произойдет серьезный поворот, ведущий к отделению Тайваня от Китая (вероятно, имелся в виду референдум, последствиями которого станет изменение статус-кво), вторжение или оккупация острова иностранными силами и отказ тайваньских властей от мирного воссоединения с материком на неопределенный срок. США упоминаются в документе 30 раз, однако, в отличие от Белой книги 1993 г., сделано прямое заявление о неоднократных нарушениях их тор-

⁴ Здесь и далее приведены данные, полученные в результате подсчета, произведенного авторами статьи.

жественных обязательств перед Китаем, зафиксированных в коммюнике от 17 августа (1982 г.), и продолжении продажи Тайваню современного вооружения и военной техники [ист. 12].

Третья Белая книга “Тайваньский вопрос и объединение Китая в новую эру”, первая в XXI в. и в период легислатуры Си Цзиньпина, вышла 10 августа 2022 г. после визита Н. Пелоси на Тайвань. Слова “мир” и “мирный” употребляются в ней значительно чаще (60 раз), как и формула “одна страна — две системы” (21 раз против 7 в двух более ранних документах). При этом подчеркивается, что Китай, став второй экономикой мира, при значительном росте своей политической, экономической, культурной, технологической и военной мощи, не позволит Тайваню снова отделиться. Сохраняется приверженность мирному пути воссоединения, но, как и во второй книге, не исключается силовой метод решения вопроса в качестве крайней меры. В Белой книге подчеркивается готовность ответить применением силы или других необходимых средств на вмешательство внешних сил или радикальные действия сепаратистских элементов. США упоминаются в новой Белой книге реже, 16 раз, но как внешняя сила, препятствующая полному воссоединению Китая. При этом во втором разделе документа подчеркивается необходимость “иметь мужество и умение бороться против любой силы, которая пытается подорвать суверенитет и территориальную целостность Китая или стоит на пути его воссоединения” [ист. 13]. В этой Белой книге впервые пять раз фигурирует Демократическая прогрессивная партия Тайваня, которая, согласно документу, заняла сепаратистскую позицию и вступила в сговор с внешними силами в последовательных провокационных действиях, направленных на раскол страны. Также отмечены основные современные внешнеполитические концепции (“мирное развитие” — 8 раз, “возрождение китайской нации” — 12, “новая эра” — 6, “сообщество единой судьбы” и Инициатива “Один пояс, один путь” — по 1 разу). Появляется упоминание о “теории национального объединения”, дополненной Компартией Китая под руководством Си Цзиньпина после XVIII съезда КПК в 2012 г. [ист. 13]. В контексте неокOLONиального аспекта проблемы показательно, что в этой книге упоминания колониального и полуколониального прошлого Китая нарративно идут в связке с терминами “оккупация”, “агрессия западных держав” и т. п., которым противопоставляются

“национальное воссоединение”, “освобождение всего народа, в том числе тайваньских соотечественников”, и проч.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ИЛИ ВОССОЕДИНЕНИЕ?

В последние годы стала заметна консолидация западного дискурса о якобы отсутствии правовых и/или исторических аргументов, которые могли бы легитимизировать курс КНР на воссоединение с Тайванем. За американскими заявлениями о “железной” поддержке демократии скрывается ряд псевдоисторических и идеологических конструкций, воздвигнутых политиками и политологами с целью не допустить практического осуществления данной задачи. Центральным аргументом этой западной казуистики является тезис о том, что Тайвань будто бы никогда не являлся частью Китая, даже и не контролировался им и что КНР безосновательно претендует на присоединение его к себе. И если это объяснимо в случае с пропагандистами с канала *CNN* [ист. 14], то выглядит весьма странно в текстах аналитиков и экспертов.

Среди характерных примеров — мнение бывшего голландского дипломата, ныне преподавателя и эксперта Ван дер Вееса о том, что с 1683 по 1895 г. Формоза только формально находилась под управлением властей провинции Фуцзянь, а «на самом деле там была дикая и открытая граница... Жители считали династию Цин колониальным режимом и никоим образом не считали себя “частью Китая”. Лишь в 1887 г. Тайвань был официально повышен до статуса “провинции Китая”, но это продолжалось всего восемь лет — неудобная правда для Пекина» [12]. Еще один, французский, политолог и китаист объявляет китайские доводы о единстве материка и острова “большой ложью”, объясняя, что Компартии в 1930-е годы не было дела до Тайваня. Правда, он упоминает и об историческом контексте ситуации, когда шла речь о выживании партии и ее первостепенной задаче — освобождении Китая от японской оккупации. Но именно в этом контексте только и следует понимать тиражируемое на Западе высказывание Мао Цзэдуна о возможности независимости не только Кореи, но и Тайваня, находившихся тогда под японским господством [13]. К тому же единичный факт проявления готовности к уступкам, обусловленный чрезвычайными обстоятельствами, никак не может опровергнуть законность требований

Китая о возвращении насильственно отторгнутой от него территории, на которой китайская администрация присутствовала по крайней мере с конца XVII до конца XIX в., а подавляющее большинство населения говорило на диалектах китайского языка. В современном духе культурного плюрализма французский эксперт трактует многообразие “тайваньских национализмов”: есть “китайский, тайваньский и аборигенный национализм. Все заявляют о своем праве быть нацией, как (другие) коренные народы, индейцы в США. В либеральном контексте с системой сдержек и противовесов, со свободными СМИ и интеллектуальной традицией этнический национализм остается умеренным” [13]. Здесь за культурной толерантностью плохо скрыта поддержка усилий тайваньских сепаратистов противопоставить идее “одного Китая” самобытность местного населения.

На этом противопоставлении строится проводимая властями современного Тайваня политика “декитаизации”. В ее рамках, в частности, прилагаются усилия по “восстановлению престижа” наиболее распространенных на острове диалектов китайского языка (прежде всего тайваньского *хоккиена* — местных форм группы южнофуцзяньских диалектов, на которых говорит около 70% населения), якобы подвергавшихся при Гоминьдане дискриминации и низведенных до статуса “низкой речи”⁵.

На самом деле и до Гоминьдана, в период японского колониального господства (1895—1945 гг.), диалекты китайского, в том числе преобладающий на острове *хоккиен*, не были “престижными”, этот статус был закреплен за японским — основным языком системы образования. В имперском Китае таким языком был литературный *вэньянь*, на котором можно было только писать, но не говорить — он объединял общим письменным наследием носителей разных диалектов, служивших локальными средствами бытовой коммуникации. Знание столичного диалекта по определению повышало шансы на карьере, но столицы в разные эпохи находились в разных районах. Лишь в начале XX в. в Китае были определены произносительные нормы разговорного языка *гоюй* (国语,

букв. “государственный язык”⁶) на базе пекинского диалекта. В республиканский период он стал языком официального образования по всей стране, и Тайваню, как и другим регионам, было суждено приобщиться к этой тенденции после изгнания японцев.

В настоящее время *гоюй* является акролектной (наиболее престижной) разновидностью языка на Тайване, и им владеют практически все жители острова. Используются и базилектные (бытовые) формы “государственного языка”, смешанные с диалектными. С начала 2000-х годов началось преподавание в школе тайваньских языков — как диалектов китайского, так и аборигенных. Эта практика развивалась в русле формировавшейся на Тайване концепции отдельной “тайваньской нации” [14, pp. 118-133]. Приверженцы данной идеи спекулируют на особенностях исторического развития острова, в том числе языковой среды, и полагают, что там складывалась самобытная “тайваньская нация”, кардинально отличающаяся от населения материкового Китая и культурой, и даже системой ценностей, в основе которой лежит демократия.

После проигрыша Д. Трампа на президентских выборах 2020 г. его помощник по национальной безопасности Дж. Болтон выступил с целым рядом “напутствий” новой администрации — тогда считалось, что демократы настроены более мягко по отношению к Пекину, чем уходящие республиканцы. В частности, он заявил, что “Китай — самая серьезная международная угроза, с которой сейчас сталкивается Америка и глобальный Запад в целом” [15]. Самый важный шаг, к которому призывал Болтон, — это полное дипломатическое признание Тайваня, поскольку “по всем критериям обычного международного права (определенная территория и население, столица и правительство, выполняющее обычные правительственные функции) Тайвань является суверенным государством и вдобавок демократическим” [15]. В разгар эскалации, перед самым визитом Н. Пелоси, он вновь высказался за признание Вашингтоном Тайбэя, поскольку Тайвань якобы является независимой страной “по любому обычному международному праву и определению” и “процветающей демократией” (цит. по: [16]).

Риторика Дж. Болтона вполне укладывается в практику глобального неокOLONиализма,

⁵ См. об этой проблеме: 邓小冬. 台湾当局“去中国化”政策变迁研究. 台湾研究, 2020 年, 第4 期, 第47-56 页. Deng Xiaodong. A study of changes in the policy of the Taiwan authorities on “desinization”. *Taiwan studies*, 2020, no. 4, pp. 47-56. (In Chin.)

⁶ В КНР его современную форму называют *путунхуа* (普通话, “общераспространенный язык”).

который определяется А.А. Гореловым как “система неравноправных (экономических и политических) отношений, навязанная западными странами остальному миру, основанная на их военной мощи и деятельности монополистического капитала, международных финансовых организаций и ТНК”. Главной же особенностью, отличающей современный неоколониализм от собственно колониализма, является то, что “управляют страной представители коренной нации, составляющие правящую элиту неокolonий, но в интересах метрополии” [17, р. 60]. С этой целью американцы ведут соответствующую работу по подчинению себе местных элит. Такие страны становятся привилегированными форпостами американского неокolonialного влияния и служат целям облегчения эксплуатации (необязательно экономической) непривилегированных государств.

Ф. Ардан отмечал, что неокolonialные отношения, то есть эксплуатация стран, получивших формальную независимость, может осуществляться не только их бывшими метрополиями, в связи с чем к числу государств-неокolonизаторов причисляются и США [18, pp. 837-855]. Н. Хомский сформулировал американские системные внешнеполитические принципы, которые вполне соответствуют приведенным выше критериям неокolonialистской политики. Первый из них «заключается в том, что внешняя политика США направлена на создание и поддержание международного порядка, при котором американский бизнес может процветать, мира “открытых обществ”, то есть обществ, открытых для прибыльных инвестиций, расширения экспортных рынков и движения капитала, а также для эксплуатации материальных и человеческих ресурсов со стороны американских корпораций и их местных филиалов. “Открытые общества” в истинном значении этого термина — это общества, открытые для американского экономического проникновения и политического контроля. Желательно, чтобы эти “открытые общества” имели парламентские демократические формы, но это явно второстепенное обстоятельство» [19, р. 2].

При этом современный неокolonialизм допускает опережающее развитие отдельных привилегированных стран и территорий, чтобы получить союзников, подкрепляющих позиции неокolonизаторов в геополитически важных для них районах. И хотя Тайвань занимает высокие строчки в международных рейтингах социально-

экономического развития, особенности его отношений с Соединенными Штатами позволяют рассматривать проблему, сложившуюся вокруг этой территории, в контексте неокolonialной политики, проводимой США.

Но, несмотря на поощрение определенными кругами в Вашингтоне стремления части тайваньской политической элиты к провозглашению независимости, выборы в местные органы власти в конце ноября 2022 г. проиграла именно сепаратистски настроенная правящая Демократическая прогрессивная партия, и глава администрации Тайваня Цай Инвэнь покинула пост ее лидера. Правда, на президентских выборах 13 января 2024 г. высший пост на Тайване занял новый лидер ДПП Лай Циндэ. Однако при этом партия Гоминьдан, известная умеренной риторикой в отношении Китая и его политики, усилила свои позиции в парламенте и превзошла ДПП, получив там 52 депутатских места против 51. Кроме того, третья крупная политическая сила — Тайваньская народная партия, хотя и получила вследствие особенностей избирательной системы только восемь мест в парламенте, но собрала более 3 млн голосов (при 4.9 млн у ДПП и 4.7 млн у Гоминьдана). Таким образом, администрация ДПП вовсе не обладает мандатом на такие радикальные изменения, как провозглашение независимости (тем более что это требует проведения референдума). Такое положение дел может свидетельствовать о нежелании значительного числа жителей Тайваня обострять отношения с КНР.

Парадоксальным образом объяснения таких социальных настроений, как и предпосылки сохранения статус-кво, а возможно, и нежелательного для Вашингтона мирного сценария воссоединения материкового Китая и острова Тайвань, коренятся в “прагматичной” политике Соединенных Штатов.

УРОКИ РЕАЛИЗМА ДЛЯ ТАЙВАНЯ

Существенным фактором, оказывающим влияние на политический процесс на Тайване, представляются уже совершенные Вашингтоном практические действия, причем предпринятые в точном соответствии с официально объявленными намерениями и целями, а также его текущая политика.

Еще в ходе Второй мировой войны на Каирской конференции 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Чер-

чилль и Чан Кайши опубликовали совместное заявление, в котором шла речь в том числе о том, что “три великих союзника ведут эту войну, чтобы остановить и покарать агрессию Японии... Их цель заключается в том, чтобы лишить Японию всех островов в Тихом океане, которые она захватила или оккупировала с начала Первой мировой войны 1914 г., и в том, чтобы все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской Республике” [ист. 15, с. 508].

Относительная слабость КНР фактически до конца XX в., удаленность Тайваня на 130 км от материка и его военная поддержка со стороны США не позволили Пекину разрешить конфликт силовыми методами, и проблема статуса острова перешла в хроническую фазу. Позиции Пекина и Тайбэя по поводу исторической судьбы и правового положения Тайваня по отношению к Китаю трудно сопоставить уже по той причине, что администрации, создаваемые на острове конкурирующими партиями, далеки от консолидированного мнения по данному вопросу. Если Гоминьдан сближает с Пекином “консенсус 1992 г.” – принятая этой партией (в то время правящей на Тайване) и властями КНР договоренность о признании принципа “одного Китая”, хотя и по-разному толкуемого сторонами⁷, то Демократическая прогрессивная партия, вынужденная действовать в рамках “конституции Китайской Республики”, принимавшейся еще при Гоминьдане, тем не менее в противоположность ему отвергает “консенсус”, не принимает перспективу воссоединения ни в какой версии, лелеет планы достижения независимости Тайваня в будущем и делает упор в политической риторике на легитимность статуса “свободных территорий” (то есть Тайваня и управляемых его администрацией островов) как отдельного государства, которое должно договариваться с КНР на равных.

Хотя по упоминавшемуся выше двустороннему договору 1954 г. США признавали в качестве единственного законного представителя китайского народа (то есть включая и население материковой части страны) Китайскую Республику, в результате смены внешнеполитических задач Вашингтон прагматично способствовал

замене в ООН Тайбэя на Пекин. В 1971 г. место КР в этой организации и ее Совете безопасности было передано КНР (при этом последняя была поддержана также Советским Союзом, несмотря на резкое ухудшение его отношений с Пекином) [ист. 16]. В 1979 г. Вашингтон разорвал дипломатические отношения с Тайбэем и стал признавать КНР единственным законным представителем китайского народа, заняв официальную позицию поддержки концепции “одного Китая”. Таким образом, несмотря на противоречивую риторiku, США официально со времен Второй мировой войны признают народ и территорию материкового Китая и острова Тайвань единым субъектом международных отношений и международного права (хотя и подстраховали себя в упоминавшемся выше Законе об отношениях с Тайванем, обозначив в этом документе “тайваньские власти” – *governing authorities* – в качестве своего легального контрагента) [ист. 6].

В настоящий момент на ситуацию вокруг Тайваня значительное воздействие оказывает позиция США по отношению к событиям на Украине. Американские политики и политологи заявляют о необходимости поддержки Тайваня, оправдывая ее намерением “избежать повторения украинского сценария”, а администрация США под тем же предлогом фактически потворствует усилению в тайваньском истеблишменте сепаратистских настроений, провоцирующих КНР. Но парламентские выборы 2024 г. на острове показали, что подавляющее большинство тайваньцев отдадут себе отчет в неизбежности катастрофических потерь и разрушений в случае реального военного столкновения с соседом, какую бы поддержку Тайваню ни оказали США. Возможно, голосование за кандидатов Гоминьдана, придерживающегося курса на умиротворение Пекина, представляет собой рациональный выбор меньшего из зол. Не исключено, что этот выбор обусловлен “уроком реализма”, который жители Тайваня смогли извлечь из украинского кризиса, в разрешении которого несколько не помогает американская помощь Украине. Растущее чувство тревоги, ощущение приближающейся войны на своей территории, навешанные фото- и видеоматериалами медиа пока еще из далеких от Тайваня мест, способствовали нежеланию избирателей ухудшать отношения с Пекином, что подтверждается фактом победы Гоминьдана на муниципальных выборах 2022 г., ставших важным индикатором социальных настроений.

⁷ Гоминьдановская трактовка подразумевает, что воссоединение должно состояться на основе Китайской Республики, КНР считает единственным репрезентатом Китая себя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Толкования понятия “неоколониализм”, появившегося на волне массовой деколонизации второй половины XX в., чаще подчеркивают экономический аспект новых форм зависимости политически освобождавшихся народов и государств от своих бывших метрополий и других сильных международных игроков. Однако на тех или иных исторических этапах на первый план могут выходить и другие стороны неоколониального доминирования, у его акторов появляются новые задачи, для решения которых требуются не применявшиеся ранее комбинации способов и форм воздействия как на объекты непосредственной эксплуатации, так и на противников и союзников. Отношения с бывшими колониями и полуколониями переформируются в целый спектр новых связей неометрополий с зависимыми территориями и государствами. Тайвань оказался в числе наиболее близких сателлитов Вашингтона, которые удерживаются под контролем косвенными — финансово-экономическими и дискурсивными — средствами, а также созданием или провоцированием внешних угроз, под предлогом которых США усиливают свое военное присутствие и увеличивают продажи оружия. Комментируя упомянутый выше визит спикера Палаты предста-

вителей Конгресса США на Тайвань, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что “США привыкли сначала создавать проблему, а затем использовать эту проблему для реализации собственных стратегических планов. Есть признаки того, что США пытаются повторить свои старые уловки в планировании визита Пелоси и пользуются случаем для увеличения военного присутствия в регионе...” [ист. 17].

Динамика ситуации вокруг Тайваня демонстрирует последовательность внешней политики США, выстраиваемой в соответствии с их стратегией национальных интересов и имеющей неоколониалистский характер. Но ее арсенал не всегда гарантирует успех. Примеры разрушительных последствий “последовательного и прагматичного” американского курса для “демократизируемых” государств и народов, в том числе текущий конфликт на Украине, осознание пагубности этой политики способны изменить настроения даже той части тайваньского общества, которая до сих пор придерживалась идеи достижения независимости любой ценой. В результате такой рефлексии могут сформироваться возможности для того исхода, который всеми силами стремятся предотвратить США, — мирного воссоединения этой территории с КНР, хотя бы и в долгосрочной исторической перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Труш С.М. Обострение вокруг Тайваня: грани конфликта. *Международная жизнь*, 2021, № 12, сс. 100-107. Trush S.M. Escalation around Taiwan: the brink of conflict. *International Affairs*, 2021, no. 12, pp. 100-107. (In Russ.) Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2596> (accessed 18.02.2023).
2. Кашин В.Б. Обострение военно-политической ситуации вокруг Тайваня в 2022 г.: Причины и перспективы развития. *Пути к миру и безопасности*, 2022, № 2 (63), сс. 188-203. Kashin V.B. Aggravation of the military-political situation around Taiwan in 2022: Causes and development prospects. *Paths to Peace and Security*, 2022, no. 2 (63), pp. 188-203. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2022-2-188-203>
3. Nye J.S. Redefining the National Interest. *Foreign Affairs*, 1999, no. 78 (4), pp. 22-35. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.2307/20049361> (accessed 18.02.2023).
4. Ellsworth R., Goodpaster A., Hauser R. *America's National Interests: A Report from The Commission on America's National Interests*, 1996. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School, 1996. 68 p. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/americas-national-interests-report-commission-americas-national-interests-1996> (accessed 18.02.2023).
5. Ellsworth R., Goodpaster A., Hauser R. *America's National Interests: A Report from The Commission on America's National Interests*, 2000. Commission on America's National Interests, July 2000. 62 p. Available at: <https://www.77y.com/wp-content/uploads/2014/05/the-commission-on-americas-national-interests-2000.pdf> (accessed 18.02.2023).
6. Samaan J.-L. Une géographie américaine de la menace chinoise. *Hérodote*, 2011, pp. 103-122. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=3600019> (accessed 18.02.2023).
7. Mearsheimer J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York, London, W.W. Norton & Co, 2001. 160 p. Available at: <https://djvu.online/file/Yy5vIJE19YwX4> (accessed 18.02.2023).
8. Brzezinski Z., Mearsheimer J. Clash of the Titans. *Foreign Policy*, 00157228, Jan/Feb 2005, iss. 146, pp. 46-51. Available at: <https://www.mearsheimer.com/wp-content/uploads/2019/07/A0034.pdf> (accessed 18.02.2023).

9. Wilson V. China's reach has grown; so should the island chains. *Asia Marytime Transparency Initiative*, 22.10.2018. Available at: <https://amti.csis.org/chinas-reach-grown-island-chains/> (accessed 18.02.2023).
10. Фитуни Л.Л. Довести до конца процесс деколонизации! *Ученые записки Института Африки РАН*, 2020, № 4 (53), сс. 5-17.
Fituni L.L. Bring the process of decolonization to an end! *Scientific notes of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences*, 2020, no. 4 (53), pp. 5-17. (In Russ.) DOI: 10.31132/2412-5717-2020-53-4-5-17
11. Litvak N., Pomozova N. Evolution of China's Global Foreign Policy Conception in the 21st Century. *Russia in Global Affairs*, 2022, no. 4 (20), pp. 43-63. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-43-63 Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/evolution-of-chinas-global-policy/> (accessed 18.02.2023).
12. Van der Wees G. When the CCP Thought Taiwan Should Be Independent. *The Diplomat*, 03.05.2022. Available at: <https://thediplomat.com/2022/05/when-the-ccp-thought-taiwan-should-be-independent/> (accessed 07.12.2022).
13. Corcuff S. La nation taïwanaise se construit sans la Chine. *Liberation*, 26.01.2016. Available at: https://www.liberation.fr/debats/2016/01/26/stephane-corcuff-la-nation-taiwanaise-se-construit-sans-la-chine_1429066/ (accessed 07.12.2022).
14. Дикарев А.Д., Лукин А.В. "Тайваньская нация": от мифа к реальности? *Сравнительная политика*, 2021, № 1, сс. 118-133.
Dikarev A.D., Lukin A.V. "Taiwan Nation": From Myth to Reality? *Comparative Politics Russia*, 2021, no. 1, pp. 118-133. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10009>
15. Bolton J. "The China Nightmare" Review: Beijing Never Got the Memo. *Wall Street Journal*, 15.11.2020. Available at: https://www.wsj.com/articles/the-china-nightmare-review-beijing-never-got-the-memo-11605476188?mod=article_inline (accessed 07.12.2022).
16. Liu Tzu-hsuan. Include Taipei in regional security talks: John Bolton. *Taipei Times*, 02.07.2022. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/front/archives/2022/07/02/2003780984> (accessed 18.02.2023).
17. Горелов А.А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONИализма. *Век глобализации*, 2014, № 2, сс. 52-64.
Gorelov A.A. From the world colonial system to global neo-colonialism. *Century of globalization*, 2014, no. 2, pp. 52-64. (In Russ.) Available at: <https://rucont.ru/efd/404860> (accessed 26.11.2024).
18. Ardant Ph. Le néo-colonialisme: thème, mythe et réalité. *Revue française de science politique*, 1965, no. 5, pp. 837-855.
19. Chomsky N. *On Power and Ideology: The Managua Lectures*. Pluto Press, 2015. 202 p. Available at: <https://chomsky.info/on-power-and-ideology/> (accessed 07.12.2022).

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. *An act to encourage visits between the United States and Taiwan at all levels, and for other purpose*. Congress.gov, 03.16.2018. Available at: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/535> (accessed 25.11.2024).
2. US House Speaker Nancy Pelosi lands in Taiwan amid threats of Chinese retaliation. *CNN*, 02.08.2022. Available at: <https://us.cnn.com/2022/08/02/politics/nancy-pelosi-visit-taipei-taiwan-trip/index.html> (accessed 25.11.2024).
3. В США заявили, что не выступают за независимость Тайваня. *ТАСС*, 11.05.2022.
In the USA said that they are not in favor of the independence of Taiwan. *TASS*, 11.05. 2022. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14599327> (accessed 18.02.2023).
4. *Taiwan Policy Act of 2022*. Congress.gov, 15.09.2022. Available at: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/4428/text/is> (accessed 18.02.2023).
5. *National Security Strategy*. White House, Washigtone, 12.10.2022. 46 p. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 18.02.2023).
6. *Taiwan Relations Act*. Congress.gov, 04.10.1979. Available at: <https://www.congress.gov/bill/96th-congress/house-bill/2479#:~:text=Taiwan%20Relations%20Act%20%2D%20Declares%20it,other%20people%20of%20the%20Western> (accessed 18.02.2023).
7. *Перечень несамостоятельных территорий в разбивке по регионам*. ООН, 22.09.2020.
List of Non-Self-Governing Territories by region. UN, 22.09.2020. (In Russ.) Available at: <https://www.un.org/dppa/decolonization/ru/nsgt> (accessed 18.02.2023).
8. *《中国的和平发展》白皮书*. 国务院新闻办公室, 2011. 外交部, 06.09.2011.
China's Peaceful Development. White Paper, 2011. Ministry of Foreign Affairs. The People's Republic of China, 06.09.2011. (In Chin.) Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zl_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/zg-dhpfzbps_675409/201109/t20110906_9284881.shtml (accessed 25.11.2024).

9. 中国共产党章程. 共产党员网, 22. 10. 2022.
Constitution of the Communist Party of China. Communist Party Network, 22.10.2022. (In Chin.) Available at: <https://www.12371.cn/special/zggcdzc/zggcdzcqw> (accessed 25.11.2024).
10. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, 1970. ООН. Декларации.
Declaration on Principles of International Law Concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, 1970. UN. Declarations. (In Russ.) Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed 25.11.2024).
11. The Taiwan Question and Reunification of China in New Era. Taiwan Affairs Office & Information Office of the State Council, The People's Republic of China, Beijing, August 1993. *Taiwan Info, Speeches and Documents*. Available at: <http://www.china.org.cn/english/7953.htm> (accessed 25.11.2024).
12. PRC White Paper –The One-China Principle and the Taiwan Issue. Taiwan Affairs Office & Information Office of the State Council, the People's Republic of China, Beijing, 21.02.2000. TDP. Available at: <http://taiwandocuments.org/white.htm> (accessed 25.11.2024).
13. China releases White paper on Taiwan question, reunification in new era. Full Text: The Taiwan Question and Reunification of China in New Era. The State Council. The People's Republic of China, Beijing, 10.08.2022. Available at: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202208/10/content_WS62f34f46c6d02e533532f0ac.html (accessed 25.11.2024).
14. Pelosi says US will 'not abandon' Taiwan as China begins military drills. *CNN*, 03.08.2022. Available at: <https://edition.cnn.com/2022/08/02/politics/nancy-pelosi-taiwan-parliament-visit/index.html> (accessed 25.11.2024).
15. Коммюнике Каирской конференции. 3 декабря 1943 г. Русско-китайские отношения в XX веке: Материалы и документы. Советско-китайские отношения. 1937–1945. Москва, Памятники исторической мысли, 2000, сс. 508–509.
Communiqué of the Cairo Conference. December 3, 1943. *Russian-Chinese relations in the XX century: Materials and documents. Soviet-Chinese relations. 1937–1945*. Moscow, Monuments of historical thought, 2000, pp. 508–509. (In Russ.)
16. Резолюция о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в ООН 25 октября 1971 года (A/RES/2758(XXVI)). Объединенные Нации. Цифровая библиотека.
Resolution on the Restoration of the Legal Rights of the People's Republic of China at the United Nations on October 25, 1971 (A/RES/2758(XXVI)). United Nations. Digital Library. (In Russ.) Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/192054?ln=ru&v=pdf> (accessed 25.11.2024).
17. 王毅：美方在台湾问题上犯了三方面错误. 外交部, 07. 08. 2022.
Wang Yi: The United States Made Three Mistakes on the Taiwan Issue. Ministry of Foreign Affairs. The People's Republic of China, 07.08.2022. (In Chin.) Available at: https://www.mfa.gov.cn/web/wjbxhd/202208/t20220807_10736725.shtml (accessed 25.11.2023).